

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Историческое исследование окружающей среды является отпрыском движения в ее защиту; тем не менее соединение истории и природы издавна привлекало историков. Синтез истории и природы происходил уже начиная с античности, прежде всего по линии географического и климатического детерминизма: сущность народов проистекает из ландшафта местности, где они проживают, а также из природы и погоды. В противоположность этому Арнольд Тойнби толковал развитые культуры как ответ на вызов со стороны окружающей среды, который не облегчал жизнь населению. Однако природа играет роль преимущественно при возникновении культур, а падение цивилизации по сути является внутрикультурным делом. Оно проявляется как конец роста и как утрата господства над природой; другая идея, что рост и господство над природой сами по себе могли бы стать роковыми для культуры, еще не приходит в голову. Под впечатлением заросших джунглями руин Юкатана Тойнби предполагает, что "лес, подобно змее, "поглотил" культуру майя". Но ему еще не приходит в голову идея, что эта цивилизация, возможно, погибла от вызванной ей самой вырубке леса. Или это тоже только модная сегодня теория?

С примата природы, с гор и долин начинается объемный труд Ф.Броделя о Средиземноморье в эпоху Филиппа II. Он без стеснения признается, что любовь к Средиземноморью послужила импульсом для его создания, и желает читателю, чтобы со страниц книги на него светило "много средиземноморского солнечного света". Правда, такой оптимизм отвлекает его от вопроса об экологическом упадке Средиземноморья, вместо этого он критикует средиземноморских крестьян за то, что они не пахали землю глубже. Глубоко приверженный традиции веры в прогресс, он почти игнорирует опасности перенаселения, и, как страстно желающий умножения численности населения

политик XVIII века, с негодованием выступает против рано распространившегося во Франции предупреждения зачатия.

Современное экологическое движение позволяет задуматься над рядом пунктов, которых не замечали историки в прошлом. Но и у соответствующей духу нашего времени теории окружающей среды есть свои ограничения, которые часто остаются без внимания. В первую очередь – и вначале это было разумной стратегией – история окружающей среды искала в науке свои экологические ниши, которые еще не были заняты другими. Этим, а также острой актуальностью, с одной стороны, объясняется особое внимание к проблемам промышленного загрязнения воды и воздуха, к внешней стороне истории промышленности и техники, чему до 70-х годов практически не уделялось внимания, а с другой стороны, к истории идей о природе, область, в которой история философии до недавних пор могла сделать немного. К сожалению, между этими двумя аспектами истории окружающей среды почти не существует взаимосвязи. Важнейшим фактором стало то, что историки, приступившие к изучению окружающей среды, избегали таких тем, как аграрная история и история лесного хозяйства, история народонаселения и эпидемий. Дело в том, что они были труднодоступны для новичков, так как казались уже занятыми, а господствовавшие там теории имели привкус, подозрительный для экологического движения. Однако если история окружающей среды хочет стать всемирной историей, она должна продвигаться именно в эти области.

Недостаток исторического сознания в экологическом движении объясняется тем, что оно не замечает своей истинной предыстории, так как проблемы окружающей среды и стратегии их решения в XX веке коренным образом изменились. Сегодня основным источником вреда, наносимого окружающей среде,

является чрезмерное удобрение полей, напротив, в течение тысячелетий самой чувствительной проблемой окружающей среды для человека был недостаток удобрений. Здесь проблема сегодняшнего дня замутила взгляд на историческую проблематику.

Сегодня во многих частях мира мы сталкиваемся с деструктивными последствиями хищнического частного-экономического эгоизма. Однако эта ситуация не должна исказить представление о том, что гарантированное право собственности и наследования в истории, вероятно, часто способствовало защите земли и растущих на ней плодовых деревьев. Два защитника окружающей среды путем анализа положения в Южной Азии приходят к выводу, что проблема окружающей среды, по сути, является очень простой: повсюду там, где местное население не имеет контроля над своими ресурсами и не может изолировать чужаков, положение с окружающей средой ухудшается.

Есть и другие трудности исследования, которые объясняются актуальной ситуацией. Регламентация сексуальности, которая при наличии современных противозачаточных средств считается принудительно-невротическим подавлением человеческой природы, в прежних условиях как тормоз прироста населения могла способствовать гармонии человека и окружающей среды. Враждебность по отношению к чужим, сегодня для многих признак политической патологии, вполне имела смысл в условиях жизни до Нового времени: отношения человека и окружающей среды в условиях аграрного и пастбищного хозяйства действительно разрушались миграцией, и связанные с конкретным местом знания, полученные опытным путем, утрачивались при переселении. И, возможно, важнее, чем все остальное: господствующий над всем закон инерции, который сегодня часто способствует бездумному обращению с окружающей средой, во времена, когда рубка и транспортировка деревьев была очень трудоемкой, нередко был лучшим защитником окружающей среды. Когда

историки фиксированы на идеалистическом представлении о сегодняшнем экологическом сознании, они оставляют без внимания повседневные модели поведения, способствовавшие сохранению окружающей среды в прошлом, которые часто можно увидеть только между строк письменных источников и которые мало подходят для сегодняшней экологической сцены. Нет сомнения: мир "нулевого роста", экономности, вечной утилизации отходов часто был не тем дружелюбным миром, который предполагает формулировка "гармония с природой". Это был мир, в котором многие с равнодушием относились к высокой детской смертности, поскольку они знали, что у выживших оставалось тем больше еды, чем меньше голодных ртов толпилось около пищи, количество которой едва ли можно было увеличить.

Камнем преткновения для историков является также требование экологических фундаменталистов создать своего рода историю, в центре которой стоит не человек, а природа и которая рассматривается не под углом зрения интересов человека. В этой истории тысячелетние человеческие усилия прийти в соответствие с природными ресурсами появлялись бы только как мешающий фактор, как вечная попытка человека поставить природу себе на службу. Мечтательных историков, занимающихся окружающей средой, все больше охватывают сомнения: действительно ли то, что они делают, – это история окружающей среды, если они занимаются прошлыми конфликтами из-за леса и воды? Если быть честным, то не идет ли речь во всем этом о человеческих интересах, а вовсе не о природе как таковой?

Но к чему эти сомнения? Нетрудно увидеть, что противопоставление "неантропоцентрической и антропоцентрической истории окружающей среды" является мнимым. Историк, занимающийся критикой источников, видит, что он постоянно ограничен углом зрения тех, кто их создавал и передавал. Впрочем, идеал "нетронутой девственной природы" является фантомом. В непредвзятой истории

окружающей среды речь идет не о том, как человек осквернял чистую природу, а о процессах организации, самоорганизации и распада в гибридных комбинациях человека и природы. "Приспособление к природе"? Но и в этой расхожей формулировке природа еще понимается как нечто заданное, вечно одинаковое. Историю человеческого осознания окружающей среды нельзя писать как историю понимания собственного права природы, а только как историю осознания долгосрочных природных основ человеческой жизни и человеческой культуры, формировавшуюся посредством опыта кризисов. Эта история действительно существует, в нее входят многие конфликты из-за ресурсов.

Там, где сегодня в Третьем мире, который не страдает от избытка продуктов питания, пишется история окружающей среды, она, разумеется, говорит об условиях человеческой жизни. Вандана Шива, вероятно, в настоящее время самая знаменитая женщина-эколог Третьего мира, решительно выступает против разделения охраны природы как таковой и охраны природы как основы для получения продовольствия. Культ дикой местности прежде всего американского происхождения. В США он имеет практический смысл: защиту национальных парков, гигантских деревьев Запада, оставшихся стад буйволов. Но давно доказано, что и та "дикая природа", которую прославляют на Западе, возникла под влиянием индейского подсечно-огневого земледелия. "Вредной ошибочной концепцией, которую европейцы привезли в Калифорнию, а также на остальную часть континента, была вера, что они вступили в "естественную дикую местность". Так, они думали, что должны изгнать индейцев из национальных парков, чтобы сохранить красоту якобы нетронутой природы. В истории окружающей среды образец "дикой местности" имеет фатальное воздействие, отвлекая интерес от улучшения созданной человеком окружающей среды. Есть обоснованное неприятие философии, следствием которой должно

стать желание, чтобы девять десятых человечества исчезло.

Странно то, как упорно держались за такую бессмысленную концепцию. Или здесь тоже есть более глубокая причина? Часто кажется, что речь идет о неудачном выражении оправданного чувства, а именно, что человеческой культуре для того, чтобы она была способной к развитию и к будущему, необходимы скрытые резервы, свободные пространства, свобода действий. "Мысль о том, чтобы видеть каждый клочок земли нетронутым человеческой рукой", кажется "обычному человеку чем-то ужасно тревожным", пишет Риль, и, вероятно, он прав даже в чисто рациональном смысле.

Не в последнюю очередь поэтому в истории окружающей среды, заслуживающей этого названия, речь идет не только о людях и том, что ими создано, но и об овцах и верблюдах, болотах и целинных землях. Нужно заметить, что у природы есть своя естественная жизнь, и она ни в коем случае не является только компонентом человеческих действий, цитатой человеческих дискурсов. Именно непреднамеренные цепочки воздействий человеческой деятельности, при которых становятся заметны взаимосвязи в природе, заслуживают особого внимания.

Через универсальную историю историк находит доступ к тем другим исследовательским дисциплинам, которые уже давно и иногда с большим воздействием на общественность занимаются историей окружающей среды: этнологии, антропологии и палеоботанике. До сих пор эти дисциплины и исследования окружающей среды, проводимые историками, не имели ничего общего. Многие зависят от того, чтобы преодолеть эту пропасть. До сих пор экологические подходы универсальной истории исходили больше от биологов и этнологов, чем от историков. Однако экологический элемент этнологии обычно представляется как "приспособление культуры к окружающей среде", таким образом, разрушительное воздействие культуры на окружающую среду часто оказывается на периферии сознания. Этнологи любят изо-

лированные культуры, мало затронутые современной цивилизацией, отрезанные от мира горные деревни; таким образом они упускают из виду экологические модернизации и сложные взаимосвязи в мире.

История окружающей среды, которая исходит из необходимости изучения «окружающей среды как таковой», неизбежно отгораживается шорами от иных контекстов исторических источников; поэтому она склонна к самообману. Если реконструировать контексты, то во многих жалобах Раннего Нового времени на хищническое отношение к лесам можно увидеть, что в действительности речь идет не о лесе, а об утверждении прав на лес, и что целью жалоб на запущенность альменды¹ является не экология пастбищ, а разделение марок и аграрная реформа. В последнее время североиндейское движение под руководством Чипко превратилось в "самое знаменитое движение Третьего мира в защиту окружающей среды"; если посмотреть вблизи, то речь идет прежде всего о крестьянском движении в защиту традиционных прав на лес. Но зачем отрицать эти контексты или отгеснять их в сторону? Если понимать историю окружающей среды не как узкую специальность, а как интегральную составную часть "historie totale", можно научиться лучше оценивать все другое, что играло роль в конфликтах, связанных с окружающей средой.

Чтобы закончить с шорами: история окружающей среды под влиянием экологических дискуссий выглядит слишком изысканной; в ней обращается слишком мало внимания на тривиальные вещи. Навозные кучи и выгребные ямы являются важными темами реалистической истории окружающей среды, потому что от них зависело сохранение плодородности пашни. Характер питания и продолжение рода являются существенными факторами в отношениях человека и окружающей среды. Картофель и coitus interruptus значимы для окружающей

среды как ключевые инновации XVIII века. История окружающей среды, слишком много внимания уделяющая голове, игнорирует, что решающие вещи происходят на линии пояса и ниже ее. Слишком большой страх получить от социальных историков упрек в "биологизме" зашоривает мышление. Первичная элементарная взаимосвязь человека и окружающей среды задана тем, что человек является биологическим организмом.

Внутреннее единство истории окружающей среды, которая до сих пор часто предстает как пестрое попурри из разных тем, гарантировано, в конечном счете, тем, что между внешней природой и природой человека существуют интимные взаимосвязи и что человек это постоянно чувствовал. "Сознание окружающей среды" по своей сути в значительной степени является осознанием здоровья и как таковое имеет тысячелетнюю историю. Болезнь – это опыт, складывающийся на основе теснейшей взаимосвязи между внешней и внутренней человеческой природой. Уже Гиппократ придает окружающей среде как причине болезни большое значение; его рассуждения о "воздухе, водоемах и местоположении" положили начало более чем тысячелетней "геомедицинской" традиции, которая продолжала жить в медицинских сочинениях раннего Нового времени и в современной городской и жилищной реформе и затем вновь в движении в защиту окружающей среды. Страх перед болезнью является одной из самых сильных фобий всемирной истории, воздействие которой простирается от религии до процесса цивилизации. И не было простым заблуждением связывать болезни с отношением человека и окружающей среды. С началом оседлости и агломерации человека начинается история многих болезней; серьезные заразные болезни, такие как малярия, чума, холера, тиф и туберкулез маркируют определенные условия окружающей среды и фазы ее истории. Некоторые факты говорят о том, что страх перед раком стоит у истоков современного осознания окружающей среды. "Неантропоцентрическая" концепция истории

¹ Земельные угодья, находящиеся в общинной собственности (Прим. переводчика).

окружающей среды может, следовательно, затемнить реальные взаимосвязи.

II.

Больше, чем Индия или Латинская Америка, США уже в конце XVIII в. стали предостерегающим примером хищнического отношения к лесу, дичи и почве. Анонимно вышедшая в 1775 г., в год американской независимости, книга "Американское земледелие" содержит критику новоанглийских фермеров. "Американские плантаторы и фермеры", по словам анонимного автора, "в целом самые большие неурядицы христианского мира", которые всеми способами разоряют один участок земли вслед за другим. Этих колонистов изобилие земли и изначальное плодородие почвы после выкорчевывания леса толкали к тому, чтобы забыть все добрые крестьянские правила и заниматься "абсурдным" хозяйством. Они позволяли скотине свободно бегать по лесу, не собирая удобрений; так же мало они заботились о севообороте, а постоянно выращивали кукурузу, более всего истощающую почву; вместо того, чтобы восстанавливать плодородие почвы, они просто распахивали новую землю, когда старая истощалась, и таким образом уничтожали все больше леса, не заботясь о будущей потребности в дереве. Так судили не только европейцы. Бенджамин Франклин жаловался: "Мы плохие фермеры, потому что у нас так много земли"; Джон Тейлор из Вирджинии, один из отцов-основателей США, заклеил обычные способы хозяйствования янки как "убийство почвы". Никто иной, как Джордж Вашингтон, жаловался: "Мы разоряем землю, как только сделаем ее пахотной, и вырубам еще больше лесов, пока они у нас есть, или продвигаемся дальше на запад". У него и у многих других современников уже был опыт, что монокультура табака, самого прибыльного экспортного продукта южных штатов в XVIII в., истощает почву.

За табаком последовал хлопок. В книге Джона Стейнбека "Гроздь гнева" признается как общеизвестный факт, что хлопок, выращиваемый без севооборота, разоряет землю: он "высасывает из нее

всю кровь". Если "король-хлопок" в XIX в. создал воинствующее единство южных штатов, то это было вызвано не только его преобладанием, но также и его экологической лабильностью: из-за растущей монокультуры продолжалось истощение почвы. С точки зрения южных штатов было вопросом жизни и смерти держать для хлопка вместе с рабством открытым путь на запад. Из-за этого началась гражданская война.

Аграрный историк А. Крейвен в 1926 г., опираясь на серьезные исследования, утверждал, что истощение почвы является главным фактором истории Вирджинии и Мэриленда, даже американской истории вообще. В то время как его учитель Ф. Тернер в своем знаменитом тезисе о "подвижных границах" возвел существование пионеров на границе с Диким Западом до источника вечной молодости американизма, для Крейвена движущей силой экспансии было уныние истощенного тыла: стремление на запад как бегство от экологического кризиса! Местами он аргументирует более умозрительно, чем эмпирически: "Пограничные общины - заведомые истощители своих земель". На границе нет намерения хозяйствовать длительный период времени, и эта ментальность живущих на границе продолжает существовать, когда граница продвинулась дальше на запад, что вызывает ненасытную жажду земли, которая постоянно оказывает новое давление на границы. Тезис Крейвена, несомненно, более всего верен в отношении регионов и периодов с монополией табака, кукурузы и хлопка. Правда, точная эмпирическая перепроверка тезиса оказывается сложной, тем более что истощение почвы, как признается сам Крейвен, не является однозначным понятием.

В ранний американский период, когда путь на запад еще не был свободен, поселенцы по необходимости переняли многие практики индейского сельского хозяйства. Европейское сельское хозяйство прокладывало себе дорогу на диком Западе не так легко, как этого можно было бы ожидать, исходя из тезиса Кросби, природа далеко не во всех отношениях

была на стороне янки. Даже продвижение дальше и дальше и корчевание целины в принципе соответствовало индейскому передвижному земледелию, которое поселенцы увидели у ирокезов. Такое землепользование без органических удобрений не обязательно является экологически губительным, во всяком случае, пока заселение неплотное и земля имеется в изобилии. Положение изменилось, когда этот полукочевой способ хозяйствования соединился с капиталистическим стремлением к прибыли, ориентацией на рынок, монокультурами и ростом населения. Тогда между экологически лабильными элементами сельского хозяйства и американской динамикой экспансии возникла синергия. Позднее, когда удобрения стали закупать, вся проблема была перенесена из экологической в экономическую плоскость: тут речь шла уже не о восстановлении естественного плодородия, а о создании плодородия, необходимого для определенных сортов растений, а это был вопрос денег и минеральных удобрений.

В особенно критическую фазу динамический круговорот истощения почвы и экспансии попал тогда, когда переселенцы перешли Аппалачи и Миссисипи и проникли в экологически лабильный степной ландшафт Великих равнин. Только сейчас открылись огромные просторы запада, но за ними больше не было новых просторов, которые можно было получить после истощения уже занятой земли. Сначала это были не фермеры, а владельцы ранчо, которые со своими стремительно увеличивающимися стадами заняли Средний Запад, и они пережили экологическую катастрофу уже довольно быстро, после того, как экспансия достигла своих естественных границ. В ковбойском менталитете для заботы об постоянстве не было места. Уже в 80-е годы XIX в. - спустя лишь одно или два десятилетия после завоевания Великих равнин ковбоями - скотоводство вследствие хищнического перетравливания пастбищ пережило резкое падение. Когда одна за другой последовало несколько холодных зим, погибший от голода и хо-

лода скот тысячами покрывал землю. Можно было объяснить фиаско отсутствием собственнических прав, а недостаток предусмотрительности - тем, что многие владельцы ранчо не имели подтвержденного документами права собственности на свои луга. Однако в «Новом курсе», связанном с президентом Рузвельтом, утвердилась точка зрения, что Великие равнины являются общественной собственностью, которая нуждается в государственном надзоре. В 1934 г. Конгресс учредил национальную пастбищную службу, чтобы предотвратить перетравливание пастбищ и разрушение почвы.

К еще большему кризису в том же году привело продвижение крестьянских поселенцев на Средний Запад: в 1934 г. началась эра опустошающих пыльных бурь. Потоки беженцев – фермеров, покидавших свою землю – вошли в американскую литературу и киноискусство. Пыльные бури стали травмой, которая наложила отпечаток на американское экологическое сознание, и дали толчок к исследованию эрозии во всем мире. Журнал "Форчун" в то время писал, что пыльные бури являются кульминацией всей трагической истории американского сельского хозяйства, которая восходит к самому раннему злоупотреблению почвой.

Когда зерновые регионы Среднего Запада позднее, в более влажные годы, снова давали богатые урожаи - правда, только с растущим применением химических удобрений - можно было уверенно говорить, что пыльные бури все-таки не разрушили необратимо плодородие почвы. Были ли беженцы действительно жертвами экологической, а не скорее экономической и социальной катастрофы? Джон Стейнбек, который написал о них ставшие классикой "Гроздь гнева", изобразил согнанных со своей земли мелких и средних фермеров хорошими крестьянами, заботящимися о почве, которые могли бы спасти себя и Америку благодаря солидарности, обвиняя в нужде крупных аграрных капиталистов и связанные с ними банки. Правда, многие

другие полагали, что жертвы пыльных бурь сами виноваты в своих несчастьях. Генри И. Мнекен хулил их как фермеров-обманщиков, которые после того, как ограбили почву, хотели ограбить еще и налогоплательщика.

Как можно увидеть, существует не единственная история пыльных бурь, а целый ряд всевозможных историй: их можно интерпретировать как наказание за первородный грех хозяйства янки, стремление получить краткосрочную прибыль, но также и как наказание за отставание модернизации. Для части Великих равнин можно было рекомендовать большие оросительные проекты, для других регионов возврат к регулируемому государством пастбищному хозяйству; но некоторые сомневались, имеет ли вообще смысл в духе «Нового курса» превращать пыльные бури в оправдание обширных государственных инвестиций. Аграрный историк Д. Малин - очень редкий случай, когда историк повлиял на возникновение экологической теории - пытался доказать, что пыльные бури на равнинах являются вполне нормальным явлением, наблюдающимся с давних пор. Они только переносили почву, но не разрушали ее. Он жаловался, что познание в этом направлении блокируется тем, что общественность бомбардируют "пропагандой для оправдания гигантских программ для обращения с природными ресурсами». Он и другие приводили аргументы, что ссылка на якобы естественный экологический оптимум Великих равнин не имеет смысла, так как их исходное состояние давно было изменено индейским подсечно-огневым земледелием. Поэтому нет принципиальной причины, по которой белые не должны использовать равнины для своих потребностей так же, как это делали индейцы перед ними.

Такой отпор экологическому фундаментализму еще не означал, что хозяйственные методы на американском Западе будут иметь продолжительный успех. С сегодняшней точки зрения, технократический оптимизм «Нового курса», сторонники которого гордились плотинами на Теннесси, также вел зарождавшееся в

то время экологическое сознание не по тому пути. В последнее время все больше и больше побеждает точка зрения, согласно которой самая большая проблема окружающей среды Запада состоит не в засухе и пыльных бурях, а в возникающих как будто из-под земли крупномасштабных проектах для их предотвращения: в больших водохранилищах и оросительных сооружениях, которые весьма сомнительны как с экономической, так и с экологической точки зрения и грозят истощить ресурсы грунтовых вод. Когда-то, в XIX в., железнодорожные компании и их сторонники в прессе вели настоящую пропагандистскую войну против распространенного до тех пор представления, что безлесные просторы Запада являются пустыней: они является чем угодно, но только не этим, скорее житницей будущего и будущим основным ландшафтом нации. Сегодня, напротив, всерьез обсуждается, не лучше ли было бы признать этот ландшафт пустыней. Согласно расчетам орошение в жарких пустынных областях из-за крайне высокого испарения требует более чем в десять тысяч раз больше воды, чем в областях с влажным климатом.

Противоположностью чистым эксплуататорам земли были группы немецких переселенцев, которые и в американских условиях - а именно в самых разных регионах от Пенсильвании до Техаса - сохранили принципы средневропейского крестьянства с его оседлой ментальностью и обращали внимание на хорошее удобрение и севооборот, а также на бережное обращение с лесом. У американских преподавателей агрономии также был перед глазами европейский идеал баланса между полем, лесом и пастбищем. Однако гордостью фермеров США оставалась изгородь, а не навозная куча. Типичные американские фермерские дома в отличие от старых европейских крестьянских домов построены не для будущих поколений.

В России, где земля имелась в таком же изобилии, что и в Северной Америке, и мужик, крепостной крестьянин, и без того был мало заинтересован в куль-

туре почвы, преобладало в некоторых отношениях сравнимое - частично архаичное, частично колониальное отношение к земле: в далеких, прежде всего недавно заселенных регионах, до XX века удобрением и севооборотом пренебрегали. Если земля истощалась, ее оставляли и распахивали новую. Скотоводство, за исключением овцеводства, было слабо развито. Русский историк Ключевский говорил о редком таланте старых русских крестьян разорять землю. Может быть, десятилетнего или еще более долгого пара было достаточно, чтобы плодородие почвы восстановилось? Если общая косность с точки зрения современной экономики была ужасной, то она не обязательно должна была быть губительной экологически. Русская история окружающей среды еще почти не исследована. Однако очевиден тяжелый ущерб, который наносило экологии корчевание южнорусского степного пояса, начиная с XVII в. Обширные, когда-то плодородные области сегодня из-за эрозии потеряли свое значение для земледелия. В особенно плодородной черноземной области почва за редкими исключениями никогда не удобрялась; вместо этого удобрения, как в Индии и Центральной Азии, служили в качестве горючего. В Сибири подсечно-огневое земледелие было особенно чрезмерным и неконтролируемым. В Российской империи по-своему передавалось из поколения в поколение то же отношение к земле, что и в Северной Америке. В обеих мировых державах XX века отсутствовала традиция практического осозна-

ния земли, хотя Россия и стала ведущей в научном почвоведении.

Метафорически преувеличенную романтику природы можно, напротив, найти в американской культуре не меньше, чем в Старом Свете. Однако американская страсть к дикой местности никак не была связана с намерением постоянного хозяйствования. Восторгаясь (якобы) нетронутой дикой местностью, мало беспокоились о восстановлении вырубленных лесов и о регулировании рубки леса. Именно Торо, отшельник и лесной человек, был проповедником безудержного индивидуализма, а не регулирования. Романтизация леса и его вырубка с большим размахом шли в США рука об руку так же, как романтизация индейцев и геноцид по отношению к ним. А.Токвиль полагал, что романтическое воздействие американских лесов основано на знании, что они скоро исчезнут.

Через длительное время романтизация природы не осталась безрезультатной. Движение в пользу национальных парков, которое распространилось из США по всему миру, было практическим следствием прославления дикой местности. Правда, во многих случаях оно соответствует колониальному типу охраны природы, проводимой метрополией в ущерб местному населению. Не только хозяйство янки, но и американский способ охраны окружающей среды в некотором отношении соответствует колониальным традициям.

Перевод

И.Н.Мирославской